

Лысова Наталья Александровна

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ГЕНДЕРНЫХ ТРАДИЦИЙ ПРАЗДНИКА КАК ТЕКСТА КУЛЬТУРЫ

Автор рассматривает феномен праздника, его символично-смысловое содержание в контексте социокультурной реальности; анализирует гендерные экспектации и символические репрезентации мужского и женского начал в праздничной культуре в условиях исторически сложившейся иерархической поляризации гендера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 123-126. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

16. **Куприянова И. В.** О взаимоотношениях некоторых групп населения русских сёл Алтая в первой трети XX в. // Старообрядчество: история и культура. Барнаул, 1999. Вып. 1. С. 61-71.
17. **Куприянова И. В.** Старообрядческие общины Алтая в 1920-1930-х гг. Барнаул, 2006. 148 с.
18. **Литвак Б. Г.** Русское православие в XIX в. // Русское православие: веки истории. М.: Политиздат, 1989. С. 309-380.
19. **Литягина А. В.** Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири: вторая половина XIX – начало XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 331 с.
20. **Лухманова Н. А.** Очерки из жизни в Сибири: избранные произведения. Тюмень, 1997. 464 с.
21. **Покровский Н. Н.** Организация учёта старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири: период феодализма. М.: Наука, 1973. С. 381-406.
22. **Рыженко П. Ф.** Староверы Алтайского Причумышья: по материалам полевых исследований // Старообрядчество: история и культура. Барнаул, 1999. Вып. 1. С. 72-77.
23. **Старцев А. В.** Хозяйственная этика старообрядчества // Старообрядчество: история и культура. Барнаул, 1999. Вып. 1. С. 78-92.
24. **Финш О., Брен А. Э.** Путешествие в Западную Сибирь // Алтай в трудах учёных и путешественников XVIII – начала XX века. Барнаул, 2005. С. 227-264.
25. **Чуркин М. К.** Влияние старообрядческой идеологии на религиозное сознание и поведение православных крестьян-переселенцев Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие: материалы науч. конф. Иркутск, 2005. С. 199-203.

OLD BELIEVERS' RELIGIOSITY LEVEL WITHIN WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Alla Vladimirovna Lityagina, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of General History
Altai State Academy of Education named after V. M. Shukshin
alityagina@yandex.ru

The author discusses Old Believers' religiosity level and the question of its dynamics in terms of modernization, shows the confessional life aspects, bringing together Old Believers and New Believers, reveals the peculiarities of dissent *adherents'* ritualism and daily life basing on the analysis of the contemporary's recollections, considers in a new light the questions of the Old Believers' history of Western Siberia of the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century in connection with the study of religion confessional life during the specified period and presents her position on some controversial questions of the declared subject.

Key words and phrases: Old Believers; Western Siberia; the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century; religiosity; Russian Orthodox Church; ritualism; daily life.

УДК 008

Автор рассматривает феномен праздника, его символично-смысловое содержание в контексте социокультурной реальности; анализирует гендерные экспектации и символические репрезентации мужского и женского начал в праздничной культуре в условиях исторически сложившейся иерархической поляризации гендера.

Ключевые слова и фразы: текст культуры; праздник; повседневность; гендер; гендерные традиции; феминное; маскулинное; амбивалентность.

Наталья Александровна Лысова

*Кафедра культурологии и социологии
Челябинская академия культуры и искусств
natali02.1977@mail.ru*

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ГЕНДЕРНЫХ ТРАДИЦИЙ ПРАЗДНИКА КАК ТЕКСТА КУЛЬТУРЫ[©]

Рассмотрение феномена праздника как текста культуры предполагает изучение его символично-смыслового содержания (как «совокупности культурных смыслов, выраженных в знаковой форме» [6, с. 365]), суть которого раскрывается в сравнении и противопоставлении праздника и повседневности. Под «повседневным» мы понимаем признаваемый всеми порядок, норму бытия, «совокупность видимых, не вызывающих сомнения в объективности своего существования форм пространства, времени и социальных взаимодействий» [4].

Противопоставление праздничного и повседневного действует в контексте реальных исторически изменчивых культурных и общественных установок, где повседневное формирует социокультурные нормы с их знаково-символической и аксиологической составляющими, определяя формы социального поведения и становясь основанием для выделения явлений иной сферы – необычного, некаждодневного, «возможно достижимого», «праздничного». Праздник, существуя в определенном историческом социокультурном контексте (вне которого он утрачивает свою актуальность), в большинстве случаев представляет собой для его участников «ситуацию

необычного», «время приключения». Противопоставленный социокультурным реалиям повседневности, праздник апеллирует к какому-либо совершенному исходному (реальному или ирреальному) оптимуму, превращаясь в момент игрового воспроизведения некоей идеально-утопической действительности, временно на художественно-игровом и образно-символическом, метафорическом уровне возможной и осуществимой в хронотопе праздника. Так, праздник временно формирует у его участников особый, отличный от повседневного способ восприятия действительности и особую концепцию понимания мира и себя в мире (праздничное мироощущение).

Вообще культура как антропологический феномен связана с вечным поиском смысла бытия, квинтэссенцией которого выступает проблема гармонизации существования человека в мире, затрагивающая все сферы жизни. К примеру, бесконечные мотивы обновления и перерождения (Бога, природы, человека, коллектива) пронизывают весь мифолого-религиозный комплекс и праздничную культуру этносов. Эта идея изначально запечатлена в первобытных материнских культах, связанных с обожествлением женского фертильного начала в природе, замыкающего на себе весь круговорот жизни; в античных мистериях умирающих и воскресающих богов; в монотеистических религиозных традициях исторически более поздних культур и современного общества; в праздновании так называемых «первых дней творения» [5, с. 162] и т.д.

С другой стороны, амбивалентность как способ и результат рефлексивных акций мышления дуальными оппозициями становится фундаментальной характеристикой культуры, социальных процессов, межличностных и межгрупповых взаимодействий, идеалов и норм нравственно-этического порядка. Так при общей интенции культуры к гармонизации и интеграции на каждом историческом отрезке времени четко прослеживается направленность социокультурных процессов на поиск и формирование смысла через полюса оппозиций [7]. Эта направленность культуры по вектору оппозиционной дуальности (как принципиальной несводимости, разрозненности полюсов) явлений, понятий, смыслов выработала особую систему культурных координат и сформировала определенную систему ценностей с их знаково-символическим миром, в которые вписаны все феномены человеческого бытия.

Гендерная стратифицированность межличностных отношений, понимаемая как исторически и культурно специфический тип (форма) социальных отношений и взаимодействий, задающая способы реализации совместной деятельности и осуществляющая ряд символических репрезентаций, однозначно направляется по вектору «инаковости», категориальной полярности и иерархизации, которые выражены в доминировании значимости маскулинной страты относительно феминной. Такого рода гендерный дисбаланс превращается в «социообразующий закон» [3], исторически и культурно обусловленную объективную действительность, определив позицию женщины как маргинальную в маскулинной культуре. Гендерная стереотипизация как постоянная оценка, фиксация «чужого» в категориях антитетического порядка, закреплённая на уровне традиций и обычаев, неизбежно категоризирует мировоззренческую позицию социума, находит выражение в мифологии, религии, в художественных формах, а также публично воплощена в празднике. Метафора пола/гендера становится культурным символом и несет функцию культурно-формирующего фактора.

Праздник как феномен культуры, пронизанный символично-смысловым содержанием, непосредственно связан с социокультурной действительностью и одновременно «существует на грани» рационального и иррационального – бессознательного, мифического, архетипического. Но при этом праздник воплощает неизменную идею гармонизации жизни, которая выражается в целостности и уравновешенности структурных элементов любого явления социокультурной реальности, что отражено не только на эстетическом уровне (где праздник является «формой выражения эстетического отношения к культуре как способу обретения гармонии с миром» [2, с. 93]), но и на коммуникативном уровне, поскольку праздник предстает как форма аккумуляции, сохранения и трансляции опыта обретения человеком гармонии с окружающей действительностью и миром в целом. Иерархический порядок, представляющий собой оплот повседневных реалий жизни, посредством логики инверсии (как определяющей характеристики праздника) может быть подвергнут существенным изменениям.

Однако в большинстве научных трудов, рассматривающих праздничную культуру с точки зрения гендерных экспектаций и ролей, праздник не нашел принципиального отличия от повседневности. При таком подходе праздник рассматривается как возможность закрепления гендерной полярности и как средство и механизм, позволяющие членам общества выразить свою гендерную идентичность, в знаково-символической и образно-игровой форме фиксировать и публично подтверждать свое гендерное самоопределение в иной от повседневной жизни реальности. Притом теоретически более полно изучены стереотипные гендерные роли и этикетные нормы поведения исключительно патриархальной традиции: молодежные игрища, гуляния, комплиментарное вербальное поле, праздничный фольклор, свадебная обрядность традиционного общества и современная свадебная традиция; а также обряды инициации как максимально ритуализированные по способу выражения институированные формы воспитания стереотипных норм межполового взаимодействия в традиционных культурах, основанные на половой и гендерной антитетичности и фундирующие ее.

Безусловно, биологически и культурно обусловленная гендерная дискретность общества как принципиальная несводимость, оппозиционная дуальность маскулинного/феминного экстраполируется на все сферы опыта. Гендерная стереотипизация также накладывает отпечаток на кодирование аксиосферы маскулинного/феминного в празднике, протекающего через символы места, времени и знака. К примеру, место проведения многих сезонных празднеств традиционного общества маркируется мужским/женским пространством; время, циклы праздничного действия определены функциональной нагрузкой культа, соответствующего, как правило, цикличности природы (осмысляемой также бинарными категориями, персонифицированными в мифологических мужских или женских образах) и, следовательно, циклам хозяйственной деятельности.

На наш взгляд, анализ гендерных экспектаций и символических репрезентаций гендера в праздничной культуре как уникальном хронотопе свободы возможно рассматривать в ином ключе (при этом мы акцентируем внимание на непосредственном генетическом соотношении праздника и мифа и учитываем параллельно имплицитивный характер связки «социальное развитие общества – мифологическая картина мира – общественные стереотипы – культурный гендерный код»). А именно как процесс взаимодействия двух глобальных первообразов, архетипов мужского и женского, проистекающих из архаического мифа, несущих функцию основного хранителя культурной памяти и латентно проецирующихся и закрепляющихся в сознании социума. Так, например, маскулинное и феминное начала как архетипическая пара, воплощенные в символах и мифологических образах, в игровой форме представлены в хронотопе праздника, воспроизводящего мифические сюжеты иерогамии. При этом значимость феминного, персонифицированного в женских образах, возвышается до значимости маскулинного. Демиургическая значимость божественной пары обеспечивается непосредственной причастностью (нередко – первостепенностью) феминности к акту творения, что временно снимает напряжение оппозиционных полюсов и закрепляет идею бинарного единства мужского и женского начал в их гармоничном существовании.

Сакральность женщины, сообщенная посредством переноса на нее качеств женского божества, объясняет главное условие формирования феминных традиций и стереотипов, складывающихся в культуре, и, в частности, в празднике, отсюда и глубинный символический смысл участия женщин в праздничных или культовых действиях, воплощавших в реальности трансцендентный образ божества, что отражает ряд праздников, в которых женщина становилась главным объектом празднично-ритуального действия и главным действующим лицом. Магическая практика, основанная на причастности и подобии, легла в основу многих земледельческих праздников традиционного общества, охранительных ритуалов, нашла продолжение в женских/девичьих праздниках, свадебной обрядности и праздниках так называемого «переломного цикла» [5, с. 93], сопровождающих важнейшие жизненные этапы общества, индивида или природы.

Как поиск целостности и диалогичности двух начал Бытия, как связь с феминным, материнским началом при доминировании маскулинного образа Бога-отца выступают обычаи травестийных ряжений народной праздничной традиции (обряды ряженья в празднествах архаического и традиционного типа культуры, современные празднества карнавального типа, элементы ряженья в современной свадебной традиции и т.д.) и культовой обрядности (в частности в шаманской и жреческой практиках, в ритуалах инициации), восходящие к архетипу андрогина.

В то же время дискретность как характерная черта культуры разделяет мир на принципиально антитечные категории – сущностно божественное, непорочное и сущностно греховное, темное; добродетель и порок; духовное и телесное и т.д., – усугубляющие дифференциацию феминного и маскулинного начал, внося больше противоречий в их нарушенный баланс. При осмыслении образа маскулиноида как верховного божества, как сущностной основы религиозности, наблюдается устойчивая тенденция гендерной поляризации мифа, выраженная в доминировании небесного верховного божества-творца, отводящего женским образам второстепенные роли жен/сестер, и в многочисленных сюжетах, запечатлевающих непримиримую борьбу двух первоначал. Таковы, например, сюжеты о воинствующих скандинавских валькириях, индийской богине Кали или фригийской Кибеле, эта же тема развивается в греческих героических мифах и т.д.

Но если язычество оставляет еще место феминному началу, то ведущие монотеистические культуры довольно быстро ниспровергают женское до уровня демонического, сущностно греховного, параллельно сводя до минимума женские культы и упраздняя женское жречество. «Маскулиноид мыслится как вселенская сила, как божество, как основа социальности и религиозности» [3].

Однако такой исторически неизбежно возникающий дисбаланс диспозиций *мужское/женское* естественным образом порождает стремление компенсировать или смягчить противоречивость этих антитечных категорий. Поскольку безусловные социокультурные реалии представляют для этого недостаточные возможности, культура находит выход в пространстве иных феноменов. Например, образ Девы Марии по значимости противопоставляется божественному маскулинному и является для христианской культуры воплощенным идеалом женского начала, ипостасью Матери мира, чей культ широко представлен не только в религиозных, но и в народных празднествах.

Существенные социокультурные трансформации, присущие ситуации нового времени, привели к тому, что со второй половины XX века активно разрабатывается идея эгалитарного принципа равенства полов, состоящего в устранении социальных барьеров. На сегодняшний день концепция эгалитарности с точки зрения построения общества свободного от социо-половой дискриминации по-прежнему действует в рамках «мужского» общества, подгоняя женщину под эталон мужских черт характера и сфер деятельности. Таким образом, наметившаяся характерная тенденция цивилизационно развитой культуры к усилению маскулинизации социума становится тотальным явлением, вытесняющим истинную феминность.

Однако в современном праздничном календаре мы находим категорию праздников, демонстрирующую потребность общества в сохранении традиционных ценностей: День семьи, День матери, Международный женский день (утративший в народном сознании социо-политический контекст и сохранившийся в современной праздничной традиции как праздник женственности и красоты), Всемирный день мужчин. Весьма значимо для современной России возрождение традиций празднования Дня памяти святых Петра и Февронии (8 июля), отмечаемого как День семьи, любви и брака. Весьма характерно, что образ Февронии является ключевым и воплощает основные представления народа об истинной женственности.

Итак, праздник как синтез культурных смыслов, как уникальный культурный текст объединяет две противоположные интенции культуры. Во-первых, в игровой форме воспроизводя неустранимую дискретность социокультурных реалий, праздник выступает своего рода «фокусом» преодоления оппозиционных противоречий. Во-вторых, через механизм инверсии, инверсивную переоценку («выворачивание на изнанку» [1, с. 18]), возможную в хронотопе праздничной свободы, через отождествление онтологических, аксиологических смыслов с феминным полюсом, маргинализированным в условиях повседневных реалий, достигается абсолютизация феминного начала (в его онтологической и аксиологической значимости) при нивелировании или элиминации значимости маскулинного. Но вместе с тем праздник являет собой временный символический «механизм» единения, синтеза и гармонизации полюсов дуальной оппозиции, неразрывной и неустранимой по сути в условиях повседневности.

В условиях исторически сложившейся иерархической поляризации гендера, детерминированной андрогенным началом культуры, праздник является выражением рефлексорного компенсирования дуальных гендерных противоречий. Именно в празднике гендер обретает свою первоначальную сущность. Праздник устанавливает гармоничное равновесие между полами, реинтерпретируя значимость женской роли по отношению к мужской, и создает возможность возвращения самого феномена феминности и ее истинно-позитивной значимости в другие сферы бытия.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 294 с.
2. Гужова И. В. Целостная модель праздника как феномена культуры // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 7 (58). С. 92-95.
3. Дугин А. Г. Социология пола [Электронный ресурс]: курс лекций. URL: <http://konservatizm/sociology/140509120251.xhtml> (дата обращения: 14.10.2010).
4. Минюшев Ф. И. Социальная антропология [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.socio.msu.ru/l/library> (дата обращения: 16.11.2010).
5. Топоров В. Н. Мифопоэтическая модель мира // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. 406 с.
6. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторов и соискателей. М.: Согласие, 2010. 672 с.
7. Электронный философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophydic.ru> (дата обращения: 01.09.2011).

INTERPRETATIONS AMBIVALENCE OF HOLIDAY GENDER TRADITIONS AS CULTURE TEXT

Natal'ya Aleksandrovna Lysova
Department of Culturology and Sociology
Chelyabinsk Academy of Culture and Arts
natali02.1977@mail.ru

The author considers the phenomenon of holiday, its symbolic-semantic content in the context of social-cultural reality; analyzes gender expectations and the symbolic representations of masculine and feminine in holiday culture under the conditions of historically formed gender hierarchic polarization.

Key words and phrases: culture text; holiday; daily life; gender; gender traditions; feminine; masculine; ambivalence.

УДК 1/14

В данной статье показано, что в современном мире определяющим фактором демаркации границ Запада является мировоззрение, основанное на библейском тексте. То, что человек имеет права, независимо от национальности, вероисповедания, пола и т.д., является подтверждением христианских основ западной цивилизации. Принципы библейской антропологии, пройдя секуляризацию, были усвоены европейцами и вошли гуманистическое мировоззрение.

Ключевые слова и фразы: мировоззрение; культура; религия; Библия.

Юлия Григорьевна Матушанская, к. филос. н., доцент
Кафедра философии и истории науки
Казанский национальный исследовательский технологический университет
jgm2007@yandex.ru

ГРАНИЦЫ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДА[©]

Духовные и интеллектуальные достижения разных культур не совпадают ни по времени, ни концептуально, ни в ценностно-смысловом плане, а одни и те же, казалось бы, теории, гипотезы, идеи, категории